

— Ацуй сказал, что в последнее время ты часто бываешь на первом этаже, но не заходишь ко мне в четвёртый зал... Это всего несколько шагов, но ты даже не хочешь пройти их. Ты слишком жесток.

Кто-то тихо пожаловался.

Кажется, он что-то вспомнил, и его голос стал ещё более жалобным:

— Говорят, в этом году в Зале Чжисюэ есть один мальчик, который очень красив. Ты его видел? Правда ли, что он очень мил?

Ся Чжуй, столкнувшись с этим «намеренным вопросом», не хотел тратить слова, но он точно знал, что если не ответит, этот человек продолжит «болтать всякую ерунду», поэтому просто сказал:

— Угу.

Неясно, ответил ли он на «видел ли», или на «мил ли».

Этот ответ явно не удовлетворил Ван Луцю, и он с лёгкой ревностью постучал пальцем по столу:

— Ацуй сказал, что в огромной Башне Императорских Книг Линь Яньхуна можно было заметить с первого взгляда. Должно быть, он очень выдающийся и привлекательный.

— Говорят, говорят... Ты много чего «слышал».

— Кто же заставляет тебя так интересоваться им, — Ван Луцю снова приблизился, незаметно вдыхая холодный аромат сосны, исходящий от этого человека. — Тринадцатилетний аньшоу... Если бы учитель тогда согласился, ты тоже мог бы...

Кажется, упоминание их наставника заставило его говорить тише, выражение лица стало серьёзнее, и он выпрямился, хотя всё ещё прижимался к Ся Чжую.

На этот раз Ся Чжуй не оттолкнул его, а продолжил писать на бумаге, и только через некоторое время произнёс:

— Иди домой.

Ван Луцю поднял бровь:

— Разве мои ноги твои, что должны слушаться тебя?

С этими словами он встал и сделал несколько шагов по комнате, словно доказывая, что ноги принадлежат ему, и он может идти куда захочет.

Ночью Башня Императорских Книг была особенно тихой, только свет свечи на столе мерцал, отбрасывая на пол тени двух людей, которые казались угрожающими.

...

Следующие несколько дней Линь Яньхун больше не брал «Комментарии к канону области Лян», а вместо этого взял книгу о стратегии и сел с Ли Цзинчэном за стол для переписывания, читая и копируя.

Как будто его секрет был раскрыт, он понимал, что это выглядит как попытка скрыть правду, но всё же решил не смотреть и не думать об этом.

К счастью, учитель Чжаньхэ снова стал редко появляться, и Линь Яньхун почувствовал облегчение, наслаждаясь спокойствием.

Он подумал, что, возможно, учитель Чжаньхэ просто хотел напомнить ему не отвлекаться на посторонние вещи и сосредоточиться на учёбе, а не проверять его.

Поэтому в этот день Линь Яньхун, как обычно, усердно «учился», но через некоторое время почувствовал, что вокруг стало тише.

Хотя обычно здесь было тихо, но даже звук пера, скользящего по бумаге, казалось, исчез, что было довольно необычно.

Линь Яньхун, не поднимая головы, понял, что учитель Чжаньхэ снова появился.

Действительно, прежде чем он успел остановиться, книга была положена на стол. Линь Яньхун взглянул на неё, и его сердце забилося сильнее.

— Кажется, это книга о древней письменности!

Линь Яньхун поднял глаза на Ся Чжуня, с недоумением на лице, но лицо Ся Чжуня оставалось холодным, как будто он не был тем, кто только что положил книгу.

— Спасибо, учитель.

Хотя Линь Яньхун не совсем понимал, почему учитель Чжаньхэ дал ему эту «развлекательную книгу», он всё же искренне поблагодарил.

— Не увлекайся слишком сильно, не забывай о главном.

Ся Чжунь, хотя и дал Линь Яньхуну «развлекательную книгу», не хотел, чтобы тот погрузился в неё и забросил учёбу, поэтому предупредил его.

Линь Яньхун, конечно, понял его намерение:

— Я запомню ваши наставления, учитель.

Наблюдая, как учитель Чжаньхэ уходит, и вдыхая запах свежей туши и холодной сосны, исходящий от книги, Линь Яньхун не мог не подумать, что, возможно, это была специально переписанная для него книга, а не оригинал.

Иначе он бы не ушёл так быстро, не сказав, когда и как её нужно вернуть.

Именно потому, что это была рукописная копия, Линь Яньхун был ещё более удивлён и стал ценить её больше — возможно, он не так уж не нравился учителю Чжаньхэ, как он думал?

Однако вопрос о том, нравится ли он учителю Чжаньхэ, быстро отошёл на второй план перед возбуждением Линь Яньхуна.

Теперь, получив «инструмент», он хотел как можно быстрее «применить его на практике».

Однако, хотя у него были примеры в книге, для него это было новым, и освоить и понять это

полностью было не так просто.

Прошёл ещё месяц, и, несколько раз набравшись смелости спросить учителя Чжаньхэ, Линь Яньхун наконец выучил несколько древних иероглифов.

Он взял одну из книг с полки в деревянном доме в Сюйми-цзецзы, чтобы попытаться перевести её слово за словом, но смог понять только самые простые иероглифы.

«Цветок... среди... один... вино... нет... близких, поднять... луна... три человека... Цветок среди вина, одинокое питьё без близких. Подняв чашу, приглашаю луну, с тенью нас трое?!»

*

Цветок среди вина, одинокое питьё без близких. Подняв чашу, приглашаю луну, с тенью нас трое...

*

В конце было указано имя... Ли... Бай?

— Но разве это не «Одиноко пью под луной», которое Линь Яньсин должен был написать через несколько лет в прошлой жизни? Как оно могло оказаться в этом древнем свитке? Кто этот Ли Бай?

Линь Яньхун просто взял книгу с правой стороны полки в деревянном доме в Сюйми-цзецзы, следуя обычной привычке размещения книг.

Он остановился на этой странице, потому что среди множества древних иероглифов там были «один» и «три», которые было легче распознать.

Когда он попытался перевести предложение за предложением, он понял, что, возможно, обнаружил невероятную тайну.

Поэтому, с огромным удивлением и недоумением, Линь Яньхун потратил ещё несколько дней, продолжая сравнивать с книгой, которую дал ему учитель Чжаньхэ, чтобы попытаться понять содержание древнего свитка.

Однако, по мере того как одна за другой знакомые строки стихов появлялись перед его глазами, его удивление и замешательство только усиливались.

На самом деле, он не смог сразу найти все древние иероглифы, соответствующие официальным, но некоторые слова, соединённые вместе, позволяли ему угадать полное предложение.

Позже, когда он находил более редкие иероглифы для подтверждения, они совпадали без ошибок.

— Неужели Линь Яньсин, с его стихами, которые превосходили его возраст и опыт, на самом деле не сам их писал? Если это так, то многие загадки из прошлой жизни можно объяснить...

Но Линь Яньхун, дойдя до этого момента, вдруг усомнился в своих выводах.

Потому что в прошлой жизни Линь Яньсин ещё до поступления в Академию Цинтун уже иногда создавал «шедевры», включая «Одиноко пью под луной».

Это означало, что если Линь Яньсин мог писать стихи, читая древние свитки в нефрите, он должен был знать древнюю письменность царства Юн.

Но Линь Яньхун был уверен, что в библиотеке их резиденции Линь или в книжных лавках города Юньян таких сложных древних книг не было.

Иначе ему самому не пришлось бы ехать за тысячи ли в Академию Цинтун, чтобы найти учителя, знающего эту науку.

Если бы учитель Чжаньхэ не заметил, что Линь Яньхун читает «Комментарии к канону области Лян» и интересуется областью Юн, и если бы Линь Яньхун сам не спросил его о временах до унификации письменности и официального языка, учитель Чжаньхэ не стал бы специально переписывать для него книгу, которую обычные ученики не могли увидеть.

Без этой цепочки совпадений, даже если Линь Яньсин в прошлой жизни посещал Академию Цинтун, вряд ли он смог бы изучить столь необычную науку.

Итак, как Линь Яньсин мог понять стихи, записанные древней письменностью царства Юн, без какой-либо внешней помощи?

Для Линь Яньхуна это казалось практически невозможным.

Но если Линь Яньсин действительно создавал эти шедевры благодаря своему «истинному таланту», то как объяснить древние свитки в нефрите Сюйми-цзецзы?

Автор хочет сказать: Спасибо Мэнмэн Чжую, Цинцин Чжуге и Цзюньси за подарки! (*J3L)

<http://bllate.org/book/17693/1651471>